

Катя Михалкина

Так и должно быть

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Катя Михалина

Так и должно быть

<https://litres.ru/74469252>

SelfPub; 2026

Аннотация

Начало 00-х. Неудачливая проститутка Женька решает сменить профессиональную деятельность и запасается клофелином. Что может пойти не так? Первый же клиент Женьки умирает от лекарства и преследует её в своём посмертии.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Катя Михалина

Так и должно быть

Глава

Вдыхая знакомый смрад «Ленинграда», в котором пары алкоголя смешивались с клубами дыма, потом разгоряченных тел, запахом пудры и спермы, Женька морщилась и думала давно набившую оскомину мысль: «Это и есть твой ад, Господи!». Ни в какой ад она, конечно, не верила, и вся эта поза уставшей от жизни столичной интеллектуалки была лишь частью рабочего имиджа и, немного, данью диплому филфака Тверского государственного, который пылился где-то на полке, среди лет уж сто нечитанных книг. Хотелось надраться, так, чтобы в беспамятстве блевать в туалетной кабинке клуба, но, во-первых, декадентские размышления об этом возбуждали сильнее, чем сам процесс, а во-вторых, было тупо не на что. Денег хватило на вход и на одну водку с соком. Ее-то Женька и посасывала, стараясь не делать больших глотков, чтобы растянуть на подольше.

Чертова конкуренция. Блондинки, брюнетки, рыжие... Столица манит, обманывая обещанием жизни как в рекламе шампуня, и они слетаются как мотыльки на огонь. Рано или поздно, каждая оказывается здесь, на мясном рынке. Ночь-

две потерпеть — и можно закрыть просроченную квартплату, оплатить детсад и купить, наконец, тот тональник из журнала. Телки призывно улыбались, поправляли волосы, принимали зазывные позы. Лица, ноги, сиськи — ярмарка плоти, тщеславия и дырок на чулках, замазанных лаком для ногтей. Лица разные, мысли — одни и те же. Посимпатичнее и посвежее снимали клиентов в «Метелице» и других клубах внутри Садового. Для таких как Женька существовали многочисленные «Ленинграды» с их атмосферой отчаянно-го, как в последний раз, веселья и хронической безнадёги.

Свет стробоскопов выхватывал из темноты оскалы, застывшие в попытке забыть самих себя. Бит долбил, выбивая дрожь из позвоночника. Знакомый официант, пробегая с подносом мимо, улыбнулся Женьке, и она кивнула в ответ. Ночные жители видели друг друга насквозь и блюли негласный договор невмешательства, но правда заключалась в том, что здесь всем на всех было плевать. Наверное, в той, другой, дневной жизни было иначе, солнце светило счастливым людям, знающим, что такое любовь, дружба, имеющим здоровый цвет лица и планы на жизнь, умеющим смеяться, когда смешно, плакать, когда грустно, и доверять, тем кто рядом. Но про ту, иную жизнь Женька ничего не знала.

Смесь паленой водки и бодряжного сока, выдаваемая барменом за коктейль, подходила к концу. Если Женьке не повезёт, то домой она поедет зайцем, на трамвае с двумя пересадками. На поездку в метро наскрести уже не выйдет. А

завтра что? А завтра жопа...

—Что вы пьёте? Можно вас угостить? — На Женьку, наконец, обратили внимание. Подошедший был чернокожим, и в любой другой день с африканцем бы она не пошла ни за какие деньги. Стыдно признаться, но она их побаивалась. Время давно перевалило за полночь, выбора у Женьки не было, и она кивнула, привычно улыбнувшись. Лишь бы теперь клиент не сорвался.

- «Секс на пляже». Я пью «Секс на пляже». — Соврала она, не моргнув глазом, провела языком по верхней губе. На мужиков, белых ли, черных, это действовало безотказно.

Иностранец говорил с мягким, довольно приятным акцентом. Представился Марком. Мужик как мужик. Лысый, чёрный, белозубый, обходительный. Лет сорока или чуть меньше, в таком свете трудно определить точнее. Черт знает, как его занесло в Ленинград, но одет дорого, такого если и встретишь, то где-то в пафосном клубе внутри Садового. Когда достал кошелек, чтобы расплатиться, Женька заметила в нём увесистую пачку купюр. Через час они смеясь ловили бомбилу на безлюдной в это время ночи Песчаной улице.

Отправив кавалера в душ, Женька отхлебнула вискаря из бутылки и перекрестилась по привычке. В бога она верила ещё меньше чем в ад. Ад, как ни крути, чертовски красивая метафора, а бога просто нет. Это Женька уяснила крепко. Все, что ей удалось увидеть за десять лет работы на улице, не укладывалось в представление о мире, управляемым доб-

рым и справедливым боженькой. А если бога нет, тогда все позволено? Достоевский у Женьки валялся на той же полке, что и диплом. И, как и диплом, тоже ни разу ей не пригодился. Достав из лифчика бумажку с заранее растолченными таблетками, она аккуратно ссыпала порошок в виски, обтерла горлышко и потрясла бутылку. Теперь главное самой не хлебануть.

Мужиков Женька ненавидела. Раньше, ещё на трассе, худенькую и ладную Женьку брали часто. В иную ночь по шесть-семь раз отъезжала. На каких только извращенцев не попадала. Одни субботники чего стоили. Потом решила — хватит. Её не жалели, и она жалеть не станет. Очень ко времени в аптечке бабки, у которой Женька снимала комнату, обнаружился пузырьёк клофелина. Женька взяла его без зазрения совести, бабка ещё купит, у неё наверняка есть рецепт, а для неё, Женьки, это шанс.

В этот раз пошло как по маслу. Клиент накатил стакан и поплыл. С кухни перебрались на диван. Женьке пришлось снять лифчик. Пока Марк жадно лапал грудь, она отстранённо наблюдала за чёрными руками шарившими, мявшими бледную кожу. Её мутило от запаха чужого одеколона, смешанного с перегаром, но Женька терпела. Совсем невыносимо стало, когда он полез целоваться. Слюнявый рот скользнул по шее, оставляя липкую дорожку, нашарил и впился в сосок. Рука копалась между её бёдер, не сумев одолеть молнию на джинсах. Женька замерла, прислушиваясь к волнам

омержения, которые накатывали одна за другой, накрывали с головой, ударяли в лицо горячей кровью, набирали силу, грозясь стать цунами, которое сметет барьеры самообладания, выплеснется наружу, и Женька обезумев, не в силах больше выносить этих вялых рук и насилующего рта на своём теле, вскочит, схватит бутылку, и начнет бить, бить, пока не пробьет череп, пока кровь, ошметки скальпа и месиво из мозгов не зальют кремовую кожу дорогого дивана... Марк обмяк, придавив своей тушей Женьку, забившуюся меж подушек. Выбравшись, она застегнулась и впервые осмотрелась вокруг.

Квартира была не из бедных. Первым делом Женька забрала деньги из кошелька. На такое она даже не рассчитывала — что-то около тридцати тысяч рублей, месяц жизни без этой грязи, если экономно. Золотые часы и браслет со стилизованными фигурками каких-то зверей с запястья клиента Женька прихватила тоже. В ящике письменного стола в кабинете обнаружилась котлета стодолларовых банкнот. Дальше она искать не стала, ей и этого выше крыши.

Вернувшись в гостиную за сумкой, не удержалась, подошла плюнуть в чёрную лоснящуюся рожу разлегшегося уроды. Что-то было не так. Лицо Марка из коричневого стало фиолетово-черным. На вывернутых губах выступила пена. Разве так должно быть? Разве клофелин даёт такую побочку? Поборов страх, Женька потрогала его шею, пытаясь нащупать пульс. Пульса не было. Вытряхнув сумку на пол,

она отыскала зеркальце и поднесла к почерневшим губам. Марк был мёртв.

«Что делать?» — Женька заметалась по комнате. — «В скорую звонить? Мусорам? Закроют же! Сука! Сука! Надо собраться. Взять себя в руки и подумать. Вот ведь попала! Звонить нельзя. Уходить. Быстрее. Сууука, отпечатки! К чему я здесь прикасалась?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.